

МЕТАМАТЕМАТИКА АЛЕКСЕЯ ЛОСЕВА

Из Хаоса родимого
 Гляди — Звезда, Звезда!..
 Из Нет непримиримого —
 Слепительное Да!..

Вяч. Иванов. Огнесосцы

Перед нами новая книга А. Ф. Лосева, и это означает, что из глухой пелены небытия явился новый пласт творчества выдающегося мыслителя, а сам момент важного обретения нашей культуры нуждается в символической окраске подобающей яркости. Что же главное в этом творчестве, мощном и длительном, разностороннем и, вместе, необычайно цельном? Всякая мыслительная конструкция, всякое умопостроение (и умонастроение) у Лосева пронизаны универсальной интуицией, именно, интуицией «слепительного Да». В мире нет ничего, кроме света, а тьма и любые прочие, по излюбленному авторскому выражению, «степени затемнения» призваны только оттенять, окаймлять, обрамлять четкие контуры и видимые точки, являя неразрывное единение темного фона и лучезарного лика. Разум воистину призван равноправно сопрячь Тьму и Свет, Хаос и Логос, призван обнаружить хаокосмическую Гармонию.

§ 1. НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

Все философско-математические и логические исследования, представленные в данном томе, созданы в 30—40-х годах, и ни одно из них не знало печатного станка при жизни автора. Это — действительно некое недостающее звено творчества А. Ф. Лосева. Рассмотрим, чем же была вызвана своеобразная вспышка логико-математической активности философа, вспышка, свидетельства которой дошли до нас только сейчас.

Прежде всего немаловажную роль сыграли известные внешние обстоятельства жизни А. Ф. Лосева — арест в 1930 г. и последующая «сталинская перековка» на берегах Беломорканала. Лагерный опыт явственно свидетельствовал, что дальнейшая разработка идей, выдвинутых в знаменитом «восьмикнижии» 20-х годов, была бы попросту самоубийственна, поскольку она по необходимости требовала острых обобщений социологического, культурологического и богословского характера. Нужно было искать новые темы и точки приложения творческих сил. Этот поиск начался еще в тюрьме, где он «прошел подробный курс дифференциального и интегрального исчисления, под хорошим руководством»¹, и уже в Свирлаге писалась (вернее, сочинялась и держалась в уме) книга по диалектике аналитических функций. В архиве А. Ф. Лосева хранится небольшая пачка разрозненных листков, относящихся к лагерной поре его творчества. Лихорадочные, сделанные в очевидно не подходящих не только для творчества, но и просто для письма

¹ Письмо А. Ф. Лосева В. М. Лосевой от 12.12.1931; обмолвка «под хорошим руководством» показательна — в «потоках» ГУЛАГовских «университетов» можно было изучать все — от генетики до шумерской клинописи.

условиях, эти наброски проливают свет на раннюю историю создания «Диалектических основ математики» и свидетельствуют равно как о научном, так и о гражданском подвиге их автора.

В жизни А. Ф. Лосева был короткий период, когда внешние условия складывались, казалось, вполне благоприятно для его творческих планов. Таковым было время работы на философском факультете Московского университета в начале 40-х годов, когда там создавалась кафедра логики. В архиве А. Ф. Лосева сохранился «План научно-исследовательской работы философского факультета МГУ на 1943 г.», где по разделу «Логика» планировалось издание работы А. Ф. Лосева объемом в три печатных листа. Обширная статья под названием «Логическая теория числа» была действительно написана (она представляет собой переработанные начальные главы «Диалектических основ математики»), однако ни в 1943 г., ни потом при жизни автора не публиковалась².

Та же участь ожидала и все остальные труды, созданные в ходе логико-философского «штурма». Он был предпринят А. Ф. Лосевым в основном до момента изгнания из университета в результате доноса и обвинения в «идеализме». Так, после 1944 г. пришлось (правда, не сразу) оставить тему «философии числа» и в дальнейшем сосредоточиться — уже более удачливо — на «истории античной эстетики». Так надежды на относительную нейтральность логико-математических тем оказались иллюзорными, и обо всем размахе лосевских замыслов и результатов в этой области может судить лишь современный читатель. В который раз подтвердилась истина, со знанием дела констатированная П. А. Флоренским, о неизбежности отставания по фазе по меньшей мере на полвека между взлетом одинокого творчества и признанием заслуг творца медленно созревающим обществом.

Кроме обстоятельств внешнего порядка сознательные и углубленные логико-математические «экскурсы» диктовались и внутренней потребностью творческого бытия философа. Работа, проделанная им на отрезке жизни вплоть до фатальной «Диалектики мифа», позволяла не только с уверенностью определять «трех китов», несущих, по Лосеву, весь груз мироустройства, — Имя, Миф, Число. Вслед за (или, вернее, вместе с) «философией имени» и «абсолютной мифологией» должна была быть построена и «философия числа». Но в строительстве этом существенно различался род действий, о чем надобно судить с должной бережностью и пониманием.

Очевидное тяготение А. Ф. Лосева к систематическому методу диалектики с опорой на упомянутую выше триаду позволяет с уверенностью определить его принадлежность к давней и необычайно стойкой традиции. Первое звено в этой цепи преемств составляют Платон и Аристотель, далее следуют неоплатоники во главе с Плотиним и Проклом, затем — Николай Кузанский, потом — немецкие идеалисты в лице Шеллинга и Гегеля, наконец, новое и последнее звено было ковано на кузне отечественной мысли... Конечно, диалектическим методом владели многие из лосевских учителей и современников, вспомним В. Соловьева, Флоренского, Франка, Карсавина, Ильина, Муравьева. Лосевская мысль на этом фоне выделяется своим идейным минимизмом, непоколебимой последовательностью в приложениях, принципиальным универсализмом, возведенным в принцип. Но не только. Здесь явлен итог, произнесе-

² Работа впервые издана в журнале «Вопросы философии». 1994. № 11.

но последнее слово. По словам автора Предисловия к «Диалектическим основам математики», в «случае Лосева» мы имеем дело с одним из «завершительных, резюмирующих умов», каковые «всегда появлялись в конце великих эпох для того, чтобы привести в систему вековую работу мысли и создать инвентарь умирающей культуры, чтобы передать его новой культуре, только еще строящейся» (6—7)³.

Уточним теперь характер означенного образа платоновской цепи, точнее сказать, цепи платоновско-лосевской, если брать ее крайние звенья. Когда в 20-х годах систематизирующая мысль А. Ф. Лосева касалась проблем идеологических, социальных и религиозных, платонизм получал (когда — скрытое, когда — открытое) православное переосмысление и критику. «Последний русский диалектик» не порывал с двухтысячелетней традицией, но указывал ее недостатки и даже опасности (для непосредственного жизнепонимания) вроде, скажем, безличного онтологизма или пантеизма. Потому в сферах Имени и Мифа цепь нуждалась в принципиальном дополнении. Когда же в 30—40-х годах А. Ф. Лосев сосредоточился на философских вопросах математики и логики, полагаясь на относительно нейтральность этой области, прежняя неоплатоническая техника мысли уже не требовала качественных изменений. В сфере Числа цепь укреплялась не столько наращиванием, сколько отделкой в каждом из старых звеньев. По приложении старинного и даже древнего метода, в свете незыблемых «принципов» недостающее обобщение получали именно «факты» той обширной области точных наук, что традиционно считалась самой структурированной и развитой областью знания Нового времени.

Со страниц логико-математических исследований А. Ф. Лосева встают тени великих предшественников. Ажурная архитектоника лосевской «Логической теории числа», безусловно «одного из шедевров в философской литературе, занимавшейся числом» (12), соразмерна, сомасштабна, соприродна триадическим построениям «учения о бытии» из «Науки логики» Гегеля. Когда в «Диалектических основах математики» обнаруживаются всекие суждения о «множестве всех чисел» и за таковым закрепляется термин «тотальность», в родственном ряду мы тут же находим «единство множества», Totalität Шеллинга. И в той же книге прослеживая логическую «дедукцию геометрических фигур», нужно вспомнить более ранние построения «Античного космоса и современной науки», которые выводят нас прямо к Проклу с его комментариями «Элементов» Евклида. Чтение философского эссе «О форме бесконечности» (523—533) почти невольно заставляет вспоминать трактат «Об ученом неведении» Николая Кузанского — столь равномошны и равнозначимы эти два текста. Во всяком случае там, где затрагиваются одни и те же темы, разительно совпадают и результаты. Можно приводить еще много примеров подобных переключек или, вернее, своеобразного диалога единомышленников. Даже в тех случаях, когда в своем диалектическом освещении нескончаемой математической «эмпирии» А. Ф. Лосев обращается к проблемам, еще неизвестным его предшественникам (несчетность в теории множеств, типы логик и геометрий, теория вероятностей и т. д.), им, кажется, руководит уверенность, что античные неоплатоники и немецкие диалектики — доведись им творить сегодня — воспарили бы в тех же логических «эмпириях», где в реально-историческом одиночестве пребывал их российский *vis à vi*.

³ Цифрами в скобках здесь и далее указываются страницы наст. издания.